

Ключ от Снежного Дома

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ЕЛЕНА КОПС

Елена Копс

Ключ от снежного дома

«Автор»

2026

Копс Е.

Ключ от снежного дома / Е. Копс — «Автор», 2026

У главного бухгалтера питерской фирмы Татьяны Крапивиной всё подчинено строгому учету. Ей кажется, что жизненный баланс под контролем, пока в почтовом ящике не появляется конверт с короткой запиской от бизнесмена Ковтуна: «Приезжайте. Пора возвращать долги». Таня отправляется на отрезанную от мира метелью базу «Чёрные камни» в глуши Карелии. Но наутро Ковтуна находят мёртвым у проруби, кабель связи отсоединен, а в закрытом отеле остаются семеро гостей, каждый из которых скрывает настоящую причину своего визита. Пытаясь восстановить хронологию событий по бухгалтерским проводкам и заброшенным архивам, Таня понимает: двадцать два года назад все они ехали в одном «Икарусе», упавшем под лёд реки. А молчаливый инструктор, вытащивший её машину из кювета, отсидел за ту катастрофу четыре года. Чтобы вычислить настоящего убийцу и свести главный баланс своей жизни, Тане придется заглянуть в собственную вытесненную память — туда, где до сих пор хранится детская красная варежка с оленем.

© Копс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елена Копс

Ключ от снежного дома

ПРОЛОГ

Он не мучился. Сначала было тепло — то густое, отдававшее печным камнем тепло, от которого тяжелеют веки и перестают натягиваться жилы в затылке. А потом наступил холод. Он не обжжёг — он просто вошёл внутрь, медленно, как впитывается вода в сухой брезент. Сначала в пальцы ног, потом выше, к коленям, и наконец остановился где-то за грудинами, заменив собой дыхание. Так даже честнее. Двадцать два года — большой срок, чтобы копить долги. Я платил каждый день, по частям, мелкими купюрами чужого стыда и собственной бессонницы. Он платил деньгами. Разница есть? Разница всегда есть.

Ветер над озером не выл — он работал. Ровно, настойчиво, с гулом хорошего промышленного вентилятора он гнал от мыса белую крупу, перемешивая её с ночным воздухом. Следы затягивало за десять секунд. Человек, шедший по сугробам от главного корпуса к бане, на мгновение остановился, обернулся и с удовлетворением посмотрел назад: за его спиной была идеальная, нетронутая гладь. Снег подправлял за ним всё, что он делал. Снег был отличным соучастником.

У проруби на широкой деревянной скамье сидел человек в махровом халате. На голове у него нелепым тюрбаном было намотано влажное вафельное полотенце. Он не мёрз — от распаренного тела ещё поднимался тонкий, едва заметный в темноте пар, а в руке он держал плоскую фляжку. Он не оборачивался на хруст снега. На этой базе не от кого было защищаться, да и глупо заслоняться от того, к чему сам позвал людей за сотни километров.

Человек в халате думал, что к нему подошёл Мартын.

Тот, кто подошёл, остановился в шаге. Ветер на мгновение затих в сосновых кронах, открыв сухой, трескучий морозный воздух.

— Тебе нельзя было сюда, — произнёс пришедший. Голос звучал ровно, почти буднично. — В баню после полуночи не ходят. Тётя Зина сказала бы, что третий пар — не для людей.

Человек на скамейке медленно повернул голову. Полотенце съехало набок. В темноте его лицо казалось высеченным из серого костромского известняка — провалившиеся щеки, темные впадины глазниц. Он всматривался в силуэт перед собой несколько секунд.

А потом он засмеялся. Это был странный звук — сухой, кашляющий, похожий на то, как проворачивают ржавый ключ в замке, который давно никто не смазывал.

Вот тогда всё и стало окончательно понятно. Если человек смеётся там, где надо просить прощения или молчать, значит, разборки окончены.

Удар пришёлся в основание черепа — не сильный, но точный, рассчитанный не на то, чтобы пробить кость, а на то, чтобы выключить свет. Человек в халате ткнулся лицом в мягкий, свежий сугроб у самого края деревянного настила. Он даже не успел выронить фляжку — она негромко звякнула о мёрзлую доску.

Пришедший подождал полминуты, слушая, как сипнет и затихает чужое дыхание.

Потом аккуратно, без суеты, поправил пол халата, закрывая обнажившееся седое колено. Снял с негнущихся ног тяжелые банные тапки и поставил их рядом со скамейкой — ровно, носками к бревенчатой стене бани, будто хозяин просто отлучился на минутку и вот-вот вернётся. Полотенце поправил тоже.

Порывом ветра сверху сорвало тяжелый пласт снега с еловой ветки. Белая пыль засыпала халат, плечи, затылок.

Человек повернулся и пошёл обратно к главному корпусу, подставляя лицо метели.

Снег идёт. Снег ничего не помнит. Это его лучшее качество.

Если бы жизнь Татьяны Сергеевны Крапивиной можно было свести к оборотно-сальдовой ведомости, то в графе «Итого дебет» стоял бы круглый, аккуратный ноль, а вот «Кредит» давно уже вылез за границы разумного и грозил заблокировать все её жизненные счета.

Таня умела сводить баланс. Это было единственным, в чём она чувствовала себя уверенно. Фильтры тонкой очистки воды, которыми торговало ООО «Аква-Сфера», требовали дотошности: налоги, акцизы, транспортные накладные, сверки с поставщиками из Китая, вечные требования налоговой объяснить, почему в третьем квартале у них выросла внереализационная выручка. В этом мире цифр всё было прозрачно и подчинялось логике.

В обычной жизни логика пасовала.

За последние три года Таня вывела для себя универсальное правило: если ты чувствуешь себя виноватой — значит, ты ещё жива.

Она была должна тётке Люсе — за то, что та взяла её, одиннадцатилетнюю сироту, к себе после той туманной истории с болезнью, про которую в семье запрещалось говорить. Тётя Люся отдавала ей последнюю пенсию, варила овсянку на воде, чтобы скопить Тане на репетитора по математике, и никогда — слышите, никогда! — не упрекала. Именно эта молчаливая святость тётки Люси связывала Таню по рукам и ногам крепче любого банковского кредита.

Таня была должна бывшему мужу Славе. Слава ушёл два года назад, прихватив с собой кухонный комбайн и лёгкое чувство искренней обиды. «Таня, ты не умеешь отдыхать, — сказал он тогда, аккуратно упаковывая насадку для теста. — Ты даже на пляже считаешь в уме, сколько мы потратили на шезлонги и сколько можно было сэкономить, если бы мы взяли своё полотенце. С тобой невозможно просто жить». Таня не спорила. Она действительно высчитывала. И была искренне убеждена, что раз Слава не стал с ней счастливым, значит, она где-то допустила ошибку в расчётах.

Таня была должна своему директору, Михаилу Юрьевичу, который восемь лет назад рискнул и взял её, выпускницу без нормального опыта, на место главного бухгалтера.

Но главный её долг — тот самый, который тяжелым свинцовым бруском лежал сейчас в бардачке старенького «Фольксвагена Поло», — был перед человеком по фамилии Ковтун.

Таня поправила очки, сползшие на кончик носа, и крепче сжала пальцами холодный обод руля.

Подогрев водительского сиденья скончался ещё в ноябре, аккуратно перед первыми заморозками. Ремонт в автосервисе оценили в двенадцать тысяч рублей. Таня посчитала: двенадцать тысяч — это полтора месяца её рациона, если покупать курицу по акции и не брать сыр «Ламбер», а ограничиться «Российским». Поэтому она просто подостлала под задницу сложенный вчетверо шерстяной плед, надела два свитера — тонкий кашемировый вниз и толстый свитер крупной вязки сверху — и решила, что «Поло» вполне жизнеспособен.

Из двух динамиков работал только правый, да и тот издавал шуршащий звук, будто внутри поселилась мышь. По радио передавали новости о приближающемся циклоне из Скандинавии, но Таня переключила на флешку с аудиокнигой по налоговому планированию. Голос диктора успокаивал.

— Зуб подождёт, — пробормотала Таня в пустоту салона. — Зуб терпеливый. Восьмёрки вообще не участвуют в жевании, это рудимент.

Правая нижняя восьмёрка ныла третью неделю. В частной клинике у метро «Дыбенко» за удаление сложного зуба с разъехавшимися корнями попросили шестнадцать тысяч. Таня ушла, даже не сев в кресло. Двенадцать за подогрев сиденья плюс шестнадцать за зуб — это двадцать восемь тысяч. Почти тридцать. Треть от нужной суммы.

Таня протянула правую руку и погладила шершавую крышку бардачка.

Там лежали триста тысяч рублей. Плотный, тяжелый плоский конверт из крафтовой бумаги.

Она копила их восемь месяцев. Восемь месяцев без единого похода в кино, без новых сапог (старые зимние ботинки пришлось сдать в ремонт, где сапожник дядя Миша щедро залил треснувшую подошву прозрачным силиконом), без отпуска в мае, когда все нормальные люди ехали на дачи или в Сочи. Таня никуда не ехала. Таня переводила остаток зарплаты на накопительный счёт под восемь процентов годовых и ела по ночам сыр — тоненькими, практически прозрачными ломтиками, прямо стоя перед открытым холодильником в темноте кухни, сгорая от стыда перед самой собой за эту минутную слабость.

Год назад тётю Люсю сразил инсульт. Не лёгкий микроинсульт, от которого очухиваются за пару недель, а тяжелый, с отнявшейся правой стороной и потерей речи. В обычной городской больнице, куда её привезла скорая, санитарка прямо в коридоре сказала Тане: «Девушка, готовьтесь. Нам койки освобождать надо, долго держать не будем».

Таня помнила тот день до мельчайших деталей. Запах хлорки, мокрых больничных бахил и собственного отчаяния. У неё на карте было сорок две тысячи рублей — всё её жизненное накопление. Реабилитационный центр под Сестрорецком просил двести тысяч только за первый месяц.

Она стояла у окна в коридоре «Аква-Сферы» и глотала слезы, пытаясь составить план продажи своей однокомнатной квартиры на Гражданке, когда к ней подошёл Владимир Сергеевич Ковтун.

Он приехал к их директору по какому-то вопросу о поставке промышленных насосов. Крупный, седовласый, в дорогом кашемировом пальто, от которого пахло хорошим табаком и незнакомым Тане парфюмом. Он застал Таню вытирающей нос бумажной салфеткой.

— Чего ревёшь, бухучёт? — спросил он тогда. Голос у него был низкий, с хрипотцой, манера говорить — грубоватая, хозяйская.

Таня, которая никогда в жизни не делилась личным с чужими людьми, вдруг выложила ему всё — и про тётю, и про реабилитацию, и про квартиру.

Ковтун послушал, достал из внутреннего кармана чековую книжку (Таня тогда обомлела — кто в наше время носит с собой чековые книжки?), выписал бумагу, оторвал её и протянул ей.

Девятьсот тысяч рублей.

— Завтра в банке обналичишь, — сказал он просто. — Тётю вези в Сестрорецк. Там врачи нормальные.

— Я... Владимир Сергеевич... я под какой процент? — заикаясь, спросила Таня, готовясь подписывать договор займа, залог квартиры или вексель. — У меня расписка с собой...

Ковтун посмотрел на неё странно. В его глазах мелькнуло что-то такое, от чего Тане стало не по себе — не злость, не похоть, а тяжелая, свинцовая тоска.

— Отдашь, когда сможешь, — сказал он и хлопнул её по плечу так, что Таня едва не уронила очки. — По частям отдашь. Не сдохну — дождусь.

Таня не понимала. Она перевернула весь свой бухгалтерский мозг, пытаясь найти скрытый мотив. Выгода? Нет, он не просил скидок для своих фирм. Проценты? Он отказался от расписки. Личный интерес? Ковтуну было под шестьдесят, у него была молодая красивая жена, которую Таня мельком видела на корпоративе, и бизнес-империя в Карелии.

Шестьсот тысяч Таня уже вернула за прошлый год — переводила частями на указанный им счёт. Осталось триста. И вот три дня назад в её почтовом ящике на Гражданке обнаружился плотный конверт из плотной бурой бумаги.

Внутри не было бланка. Не было печатного текста.

Только квадратный плотный лист и ровные строчки, выведенные фиолетовыми чернилами от руки:

«Приезжайте. База "Чёрные камни", Северное Приладожье. 15 января, к вечеру. Пора возвращать долги. В.К.»

Странная формулировка. «Пора возвращать долги». Таня хмыкнула, перестраиваясь в правый ряд на выезде из Приозерска. Как будто она избегала выплат! Она отдавала всё до копейки, строго по графику, который сама себе нарисовала в Excel. Но раз кредитор просит приехать лично и привезти остаток наличными — значит, придет. В конце концов, это был её последний долг. Сдав эти триста тысяч, она впервые за тридцать три года станет абсолютно свободной. Никому. Ничего. Не должна.

От этой мысли в груди даже немного потеплело, несмотря на ледяной сквозняк, поддувавший из-под неплотно прилегающего уплотнителя левой двери.

За Приозерском А-121 окончательно потеряла лоск федеральной трассы. Дорога сузилась, по обеим сторонам стеной встал сосновый бор, присыпанный тяжелым, мокрым снегом. Снег начался полчаса назад. Сначала он летел редкими, красивыми снежинками, похожими на рождественские декорации в витринах. Таня даже улыбнулась.

Потом снег стал гуще. А потом повалил так, будто сверху кто-то вспорол гигантский перинный матрас.

Вспыхнул экран смартфона, закрепленного в держателе на дефлекторе.

— Через двести метров поверните направо, на паромную переправу, — произнёс приятный женский голос из навигатора.

Таня нахмурилась.

— Какая переправа, дура? — спросила она у навигатора. — Середина января! Карелия! Там лёд полметра!

Навигатор не смутился:

— Перестройте маршрут. Двигайтесь к паромной переправе «Хийтола-1». Прибытие парома через четыре минуты.

Таня вздохнула. Навигационные карты явно сбоили из-за отсутствия нормального сигнала. Полосочки связи на экране айфона растаяли ещё километров десять назад. Остался только сухой, бескомпромиссный значок: «SOS. Только экстренные вызовы».

Сумерки в Карелии январе наступают не просто быстро — они падают, как тяжелый занавес в театре, когда отключают свет. В шестнадцать тридцать за окном «Поло» встала густая, серая мгла. Фары выхватывали из темноты лишь стелющуюся плотную белую пелену. Снег перестал быть красивым. Он стал стеной.

Таня сбавила скорость до тридцати километров в час. Очки от разницы температур в салоне начали запотевать по краям. Она потянулась за салфеткой, на секунду отвлекшись от дороги.

В этот момент «Поло» резко мотануло.

Правое переднее колесо влетело в глубокую, невидимую под свежим снегом ледяную колею. Машину повело. Таня ахнула, вцепилась в руль обеими руками, попыталась выкрутить влево, как учили в автошколе одиннадцать лет назад, но легкий хэтчбек уже потерял сцепление.

Время на секунду растянулось, как густой кисель.

«Поло» плавно, почти нежно развернуло боком. Таня успела увидеть в свете фар огромную, занесенную снегом ель, замерла, прижав подбородок к коленям, и закрыла глаза.

Удара не было. Был мягкий, глухой шуршащий звук — как если бы машина влетела в гигантскую ватную подушку. Задняя часть авто провалилась вниз, передняя задралась под углом градусов в тридцать. Двигатель чихнул, звякнул металлом и заглух.

В салоне установилась абсолютная, звенящая тишина.

Слышно было только, как с тихим щелканьем остывает выпускной коллектор под капотом: *тик, тик, тик*.

Таня сидела не шевелясь секунд тридцать. Руки на руле тряслись.

— Так, — сказала она вслух. Голос прозвучал пискляво и чужо. — Сводка баланса. Повреждения: физические — отсутствуют. Голова цела, ноги целы. Имущественные... ну, бампер, наверное, поцарапала.

Она попыталась открыть левую дверь. Дверь упёрлась в плотный сугроб кювета и поддавалась всего на пару сантиметров. Таня вздохнула, перелезла через рычаг переключения передач на пассажирское сиденье и надавила на правую дверь. Та открылась с сухим треском.

Морозный воздух ударил в лицо, моментально перехватив дыхание. Минус пятнадцать, не меньше. И ветер. Ветер на трассе гулял хозяйский, вырывая из рук полость двери.

Таня выбралась наружу, утонув по колено в пушистом снегу.

«Поло» сидел в кювете глубоко и надежно. Задние колеса висели в воздухе, передний бампер ушёл в сугроб по самые фары, которые слабо светили куда-то вверх, в кроны сосен.

Таня достала из кармана телефон. Экран светился холодной синевой: *«Нет сети. Экстренные вызовы»*.

— Отлично, — сказала она сугробу. — Просто замечательно. Дебет с кредитом сошлись идеальным образом.

Она вернулась в салон, достала из бардачка конверт с деньгами, засунула его во внутренний карман куртки, застегнула молнию до самого подбородка и натянула поглубже вязаную шапку. Взяла свой термос с остатками брусничного чая. Заперла машину с ключа — брелок центрального замка пискнул жалобно и слабо.

Снег валил с такой силой, что в пяти шагах уже не было видно собственных следов. Трасса А-121 казалась вымершей. Ни одной попутной машины, ни одного огонька вдали. Только гул сосен и белая мгла.

Таня прислонилась спиной к дверце «Поло», отпила из термоса глоток остывающего чая и подумала о том, что если она замерзнет здесь, то тётя Люся останется без сиделки, а триста тысяч в её кармане достанутся государству как неопознанное имущество. И это было бы самой глупой и нерациональной тратой денег в её жизни.

Вдруг в белой стене метели, там, где угадывался поворот дороги, замаячил свет.

Это был не желтый свет автомобильных фар. Это был узкий, яркий, белый луч мощного светодиодного фонаря. Он пробивал снежную крупу, раскачиваясь из стороны в сторону в такт тяжелым шагам.

Таня замерла, опустив термос.

Из белого небытия медленно выделилась фигура.

Мужчина был огромным. В тяжелом темно-синем тулупе с поднятым воротником, в меховой шапке-ушанке, сдвинутой на самый затылок, он казался не человеком, а частью карельского пейзажа — таким же массивным, как те валуны, что они проезжали час назад.

Он шел по сугробам легко, не проваливаясь, словно под снегом у него была пробита широкая невидимая тропа. В правой руке он держал фонарь, луч которого упёрся прямо в очки Тани, заставив её зажмуриться.

— Эй! — пискнула Таня, заслоняясь ладонью. — Вы не могли бы посветить пониже? Я не нарушитель, я просто... в кювете!

Человек опустил луч. Свет упал на уткнувшийся в снег нос «Поло», затем медленно перескочил на Таню — на её короткую синюю куртку, на сапоги в силиконе, на термос в дрожащей руке.

Мужчина не сказал ни слова.

В абсолютной тишине карельского леса слышно было только его тяжелое, ровное дыхание и то, как ветер шуршит по жесткой ткани его тулупа. Он сделал еще три шага вперед и остановился в метре от нее.

Таня подняла голову. Из-за разницы в росте ей пришлось запрокинуть шею так, что затрещали позвонки.

Густая борода с проседью. Тёмные, глубоко посаженные глаза под тяжелыми бровями. И шрам — старый, белесый, рваный шрам, рассекавший левую бровь и уходящий куда-то под шапку.

Он смотрел на неё сверху вниз — молча, неподвижно и так долго, что Тане стало физически не по себе.

— Извините, — первой не выдержала она, включая свой привычный «бухгалтерский» тон, которым обычно разговаривала с нерадивыми менеджерами. — Вы не подскажете, здесь есть поблизости эвакуатор? Или хотя бы трактор? У меня телефон не ловит, а мне нужно на базу «Чёрные камни». К Ковтуну.

Мужчина продолжал молчать. Его лицо в свете фонаря казалось высеченным из камня. Ни один мускул не дрогнул на его щеках.

Он просто смотрел на неё. Внимательно, тяжело и с каким-то странным, непонятным Тане ощущением глухой, давно похороненной боли.

Молчание человека в тулупе затягивалось, приобретая совсем уж сюрреалистический характер.

Таня, привыкшая к тому, что на любой вопрос в этой жизни должен следовать либо четкий ответ, либо мотивированный отказ, сделала невольный шаг назад. Снег под силиконовой подошвой ботинка предательски хрустнул.

Мужчина наконец сдвинулся с места. Он не сказал ни слова. Просто опустил фонарь и медленно пошагал вокруг увязшего «Поло».

Он обходил машину по дуге, точно эксперт-криминалист на месте происшествия: заглянул под задний бампер, задержал луч на повисшем в воздухе колесе, ткнул носком тяжелого сапога в наст у переднего крыла и снова поднял взгляд на Таню.

Свет фонаря на мгновение выхватил её лицо — маленькое, с покрасневшим от мороза носом и заиндеветыми ресницами за стёклами очков. Мужчина тяжело вздохнул — звук получился глубоким, как гул печной трубы при сильном порыве ветра, — развернулся и пошёл прочь.

Он просто шагал обратно в белую стену метели, сворачивая за темно-зелёные туши сосен.

— Эй! — Таня от неожиданности чуть не поперхнулась остывшим чаем. — Вы куда?! Вы серьезно?! Вы что, просто посмотрели?! Как на музейный экспонат?!

Снежная пелена мгновенно поглотила его широкую спину. Ни ответа, ни отклика — только шуршание ветра да сосновый гул.

— Потрясающе, — сообщила Таня уходящему сугробу. Голос от возмущения перешёл на фальцет. — Потрясающий карельский сервис. Человек застрял в лесу, к нему выходит местный Илья Муромец, оценивает степень ущерба, выставляет мысленно чек и уходит пить чай! Логика! Где здесь элементарная человеческая логика?!

Она залезла обратно на пассажирское сиденье «Поло», хлопая дверью с такой силой, что с крыши на лобовое стекло обрушилась целая шапка снега. В салоне было холодно, как в морозильной камере. Таня прижала к груди термос, поджала ноги и принялась энергично дуть на пальцы в тонких перчатках.

Если этот молчун не вернётся, у неё есть выбор: либо ждать утра и надеяться на проезжающий грейдер, либо замерзать экономно, экономя остатки тепла под шерстяным пледом. Внереализационные расходы возрастали с каждой минутой.

Прошло ровно семь минут. Таня засекла по электронным часам на приборной панели.

Из глубины леса донёсся низкий, ровный рокот. Это был не звук автомобильного мотора — звук был стрекочущим, сухим и мощным. Через тридцать секунд сквозь метель пробился

двойной ксеноновый луч, и на дорогу выкатил тяжелый рабочий снегоход. За собой он тащил широкие сани-волокуши, в которых хаотично валялись толстые пеньковые канаты, металлический трос и пара совковых лопат.

Снегоход глухо чихнул и остановился в трех метрах от «Поло».

Огромный мужчина слез с сиденья, не глуша мотор. В темноте он казался ещё больше. В руках у него уже был тяжелый стальной трос с двумя массивными крюками.

Он подошёл к пассажирской двери, потянул её на себя и взглянул на Таню.

Таня набрала воздуха в легкие, готовясь выдать заранее отрепетированную тираду о том, что воспитанные люди предупреждают, прежде чем уходить в туман, и что оказание помощи попавшим в бедствие — это не одолжение, а статья Уголовного кодекса, но мужчина опередил её.

— Ключи, — произнёс он.

Голос у него оказался треснувшим, густым и низким, словно им не пользовались несколько лет за ненадобностью.

Таня моргнула: — Что «ключи»? Вы хотя бы представились бы для начала! Я, между прочим, Татьяна Сергеевна, я еду на базу...

— Нейтраль, — перебил он её, ровно на полтона тише, но так, что слово прозвучало как команда на плацу.

— Да я понимаю, что нейтраль! Но вы мне скажите, трос вы куда цеплять будете? У меня там пластиковый обвес, если вы сорвёте проушину, ремонт обойдется...

— Сидите, — произнёс мужчина. Это было уже третье слово.

— Да как я буду сидеть, если вы...

— Не мешайте.

Четыре слова. Законченный, исчерпывающий диалог.

Мужчина нагнулся, буквально вытолкнув Таню плечом глубже в салон, дотянулся огромной, пахнущей солидолом и морозной хвоей рукой до замка зажигания и повернул ключ. Приборная панель слабо мигнула. Он сам перевёл рычаг КПП в нейтральное положение, выпрямился, хлопнул дверью так аккуратно, что Таня даже не качнулась, и ушёл к бамперу.

— Медведь карельский, — пробормотала Таня, прижимаясь носом к заиндевевшему стеклу. — "Сидите, не мешайте". Я между прочим за рулём одиннадцать лет! У меня безаварийный стаж в «Росгосстрахе»!

Снаружи раздался металлический звон. Мужчина легко, без видимого усилия, опустился на одно колено прямо в сугроб, залез рукой куда-то под переднюю банку «Поло», зацепил трос за силовую раму и поднялся.

Он не стал разматывать канаты. Не стал просить Таню подруливать или газовать. Он просто шагнул к снегоходу, перекинул ногу через сиденье, плавно прибавил газ.

Трос натянулся со струнным гулом. Гусеницы снегохода выбросили вверх два фонтана рыхлого снега, цепляясь за наст. «Поло» вздрогнул, издал жалобный всхлип резиновыми уплотнителями, мягко выскользнул из ледяного плена кювета и встал на ровную колею дороги.

Всё заняло сорок секунд.

Мужчина заглушил снегоход, снова слез, отцепил трос, в три движения скрутил его в идеальное кольцо и бросил в сани.

Таня выскочила из машины, ежась от мороза: — Спасибо, конечно! Сколько я вам должна за эвакуацию? У меня наличными только... в общем, мелкие есть, я могу заплатить за вызов!

Мужчина остановился. Перевёл взгляд с её очков на разбитую колею, потом на темноту за её спиной.

— На «Ламбу»? — спросил он. Голос звучал совершенно безразлично, словно ему было всё равно, ответит она или просто улетит на луне.

Таня замялась: — Ну... в приглашении написано «Чёрные камни». Но навигатор говорил что-то про Чёрную Ламбу. Это одно и то же, да? Владимир Сергеевич Ковтун...

Он не дослушал. Просто коротко кивнул, повернулся, сел на снегоход и завел мотор. Задний красный фонарь вспыхнул рубиновым светом.

— За мной, — бросил он через плечо, развернул тяжелую машину прямо на узком полотне дороги и медленно поехал вперед, показывая «Поло» правильный след среди перемятов.

Таня прыгнула за руль, вставила передачу и потихоньку тронулась следом.

В свете фаровых лучей его спина в синем тулупе казалась монолитной. Он ехал небыстро — километров двадцать в час, ровно столько, чтобы её десятилетний хэтчбек не сорвался снова в глубокий снег. Время от времени он слегка поворачивал голову, проверяя в зеркале заднего вида, держится ли она на дистанции.

Таня смотрела на эту широкую спину и ловила себя на совершенно нерациональном, раздражающем чувстве.

Ей было интересно.

Кто он такой? Инструктор? Сторож? Простой местный мужик, которому Ковтун платит за расчистку дорог? По возрасту — лет сорок пять. Проседь в бороде строгая, не стариковская, а шрам над бровью... Откуда у человека такой шрам? Это не от кухонного ножа и не от драки у сельского клуба. Такой след оставляет либо сорвавшийся стальной трос, либо битое стекло.

«Татьяна Сергеевна, прекрати, — приказала она себе, крепче сжимая руль. — Тебе тридцать три года. У тебя развод за плечами, неоплаченный зуб в десне и триста тысяч в кармане, которые нужно сдать под расписку. Тебе не должно быть интересно, почему молчит чужой спасатель в ушанке».

Но мысли всё равно возвращались к его четырём словам. Ни одного лишнего звука. Никакого «девушка, ну что ж вы так неаккуратно», никакой фальшивой вежливости. В мире, где каждый пытался продать тебе лишнюю услугу или выставить претензию, эта молчаливая суровость ощущалась почти как прочность.

Дорога петляла всё глубже в карельский массив.

И постепенно тревога Тани начала уступать место какому-то странному, давно забытому покою.

Карелия зимой была не просто красивой — она была величественной и пугающей одновременно. Сосны уступили место вековым чёрным елям. Их тяжелые, мохнатые лапы, провисающие под пудовыми шапками снега, смыкались над дорогой, образуя естественный готический свод. Метель здесь, в глубине леса, ослабла. Снег падал редкими, крупными хлопьями, медленно вальсируя в свете фар.

За очередным крутым поворотом лес неожиданно расступился.

Перед ними открылась огромная, вымершая в ночной темноте котловина. Внизу угадывалась ровная, как стол, белая гладь замерзшего озера — та самая Чёрная Ламба. А на берегу, в окружении высоких корабельных сосен, раскинулась база отдыха.

Таня приостановила «Поло».

База выглядела чарующе и уютно, точно с картинки из туристического буклета. Несколько рубленых из толстого бревна гостевых домиков с темными крышами. Главный корпус — двухэтажный, из светлого бруса, с широкой верандой. Чуть поодаль, у самой воды — бревенчатая баня, над которой поднимался дым.

Дым шёл не вверх, как бывает в тихую морозную погоду в деревнях, а стелился вбок, параллельно земле, прижатый плотным сухим воздухом. От него пахло березовыми дровами, сосновой смолой и чем-то сладковатым, домашним. В окнах дальнего домика горел мягкий, густой оранжевый свет.

Это был настоящий, плотный, густой северный уют — уют, защищенный от всего остального мира километрами непроходимой тайги и метелью.

Таня сделала глубокий вдох. На секунду ей показалось, что она уже была здесь. Что этот запах печного дыма, этот оранжевый свет на белом снегу и эти чёрные ели ей знакомы. На самом доньшке памяти что-то тихонько звякнуло — как маленькая ложечка в пустом стакане.

«Глупости, — дернула плечом Таня. — Я в Карелии отродясь не была. Тётя Люся всегда возила меня только в Анапу, да и то два раза».

Снегоход впереди прибавил ход и скатился по накатанному спуску к центральной площадке базы.

Таня осторожно поехала следом.

В приглашении Ковтуна четко говорилось: *«Приезжайте. Никого не будет»*. Заведующий фирмой по продажам фильтров Михаил Юрьевич тоже подтвердил: «Ковтун базу на зиму закрывает. Ремонт у него там, да и здоровье подводит. Так что посидите тихо, отдашь конверт и назад».

Таня рассчитывала увидеть темный, заснувший посёлок с одним дежурным сторожем.

Однако, когда «Поло» выкатился на расчищенную от снега парковку перед главным корпусом, Таня нажала на тормоз так резко, что ремень безопасности больно вьелся в грудь.

На площадке стояли машины.

Их было много. Они стояли ровным рядом под деревянным навесом, аккуратно очищенные от свежего снега.

Таня быстро пересчитала их взглядом — профессиональная привычка к аудиту сработала мгновенно:

Огромный новехонький «Лэнд Крузер» тёмно-серого цвета. Скромный «Хёндай Солярис» с питерскими номерами. Представительский «Мерседес» S-класса, покрытый тонкой коркой льда. Красный спортивный кроссовер «Порше Макан». Старенький, аккуратно вымытый «Ниссан Кашкай».

А шестой машиной — прямо с краю, чуть под углом к остальным — стоял серебристый «Вольво» V90. И на его белом прямоугольном номере четко выделялся синий евросоюзовский флажок с буквой **FIN**. Финские номера.

Шесть машин. Если считать её «Поло» — семь.

Таня заглушила двигатель. В наступившей тишине было слышно, как стрекочет остывающий снегоход у сторожки.

Мужчина в тулупе слез на снег, поднял свой тяжелый фонарь и зашагал к бане, даже не повернув головы в её сторону. Он свою работу сделал. Вытащил, привёл, доставил.

Таня сидела в машине, перебирая пальцами крафтовый конверт в кармане куртки.

Семеро гостей. В закрытом на зиму отеле посреди карельской тайги, отрезанном от трассы метелью.

Зачем Ковтун собрал здесь столько людей? И почему в его письме было написано «никого не будет»?

Таня вздохнула, крепче сжала лямку сумочки, взяла термос и открыла дверцу «Поло». Снег под её ботинками хрустнул громко и тревожно.

Деревянная дверь главного корпуса поддалась с густым, тяжелым скрипом. В лицо Тане сразу ударила волна сухого, пряного тепла, наполненного запахом свежевывытого соснового пола, печной сажки и какого-то ягодного взвара.

За дверью тянулся широкий холл-ресепшн, выдержанный в духе брутального северного минимализма: массивные стойки из разглаженного короедом бруса, на стенах — чучело глухаря с расправленными крыльями, старинные деревянные лыжи и рога лося. Но весь этот суровый карельский колорит слегка смазывался фигурой юноши, сидевшего за стойкой.

Ему было около двадцати двух лет. На нем был безразмерный худи цвета мокрого асфальта, а в руке он держал плоскую черную коробочку, из которой периодически выдувал в потолок пышные облака пара с выраженным ароматом искусственного манго.

— Э-э-э... добрый вечер, — осторожно произнесла Таня, отряхивая сапоги от снега.

Юноша оторвался от экрана смартфона, поднял взгляд и выдохнул очередную порцию пара.

— О, дратути, — быстро заговорил он, проглатывая гласные. — Крч, вы Крапивина? Татьяна Сергеевна? Ща найду.

Он принялся с нечеловеческой скоростью листать что-то в планшете.

— Я Даня. Ну, в плане — по административке тут, вайфай, ресепшн, генератор, вся фигня. По факту — за всё отвечаю, пока дядь Егор по техничке. Вы на «Поло» пришли? Дядь Егор отрапортовал уже, что вытащил. Крч, ключи ща дам от четвертого домика.

— Подождите, Даня, — Таня подошла ближе, чувствуя, как от тепла начинает отходить замерзший нос. — А Владимир Сергеевич у себя? Мне нужно его увидеть. Я ненадолго, буквально на пять минут, мне нужно передать...

— Не-е, Ковтун ща не принимает, — срезал Даня, не поднимая глаз от экрана. — Занят он. Закрылся у себя в кабинете на втором этаже, сказал до завтра не беспокоить. Завтра в десять утра каминный зал, крч, общее собрание. Всех касается. По факту — даже Ингу.

Не успела Таня уточнить, кто такая Инга и зачем Ковтуну устраивать «общее собрание», как двустворчатая деревянная дверь в глубине холла распахнулась.

Из недра коридора выплыла женщина.

Ей было около шестидесяти, но держалась она с той особой, неторопливой монолитностью, которая бывает только у опытных деревенских стряпух. Широкая белая шаль поверх темно-синего фланелевого платья, кухонный фартук в мелкий горошек и всенепременно вафельное полотенце, переброшенное через плечо. Лицо у нее было круглое, румяное, со светлыми карельскими глазами и лучиками добрых морщинок у век.

— Данечка, ты опять эту дрянь дымовую смоччешь? — громко, с характерным северным «оканьем» выговорила она юноше. — Всю горницу изгадил! На улице дыми, окаанный!

Она повертела головой и тут же зафиксировала Таню.

— Ой, Господи-батюшки! — всплеснула руками женщина. — Замёрзла-то как! Нос синий, в очках, в двух свитерах, а всё одно синяя! Иди сюда, милая, иди, иди скорее! Какой домик, Данечка, ты с ума сошёл? Человека с дороги перва-наперва обогреть надо! Иди, деточка, я тебе супу горячего налью.

— Я... спасибо, но я не голодна, — соврала Таня. На самом деле её желудок при слове «суп» издал предательский заутробный звук, который в тишине холла прозвучал как выстрел.

— Не голодна она, скажите на милость! — женщина ухватила Таню за рукав её двух свитеров и властно потянула за собой. — Вижу я, как не голодна. Кожа да кости, дебет с кредитом не сходится! Я Зинаида Матвеевна, тётя Зина по-нашему. Идем-идем, у меня там уха свежая, только-только с плиты.

Тётя Зина затащила Таню в небольшую, но невероятно уютную служебную столовую при кухне.

Здесь царило такое густое, незыблемое тепло, перед которым отступала любая карельская метель. Главной достопримечательностью кухни была огромная чугунная плита — настоящая, дровяная, от которой веяло жаром жареного лука и сырых березовых поленьев. На плите булькал пузатый эмалированный чайник. На широком дубовом столе стояло деревянное блюдо, накрытое льняным полотенцем.

Из-под полотенца восхитительно пахло свежей выпечкой.

— Садись, садись к печке, — тётя Зина усадила Таню на деревянную лавку и моментально поставила перед ней глубокую фаянсовую тарелку.

Это была не просто уха. Это была настоящая карельская лохикейто — густой, наваристый суп из озерной форели, сваренный на сливках и молоке, с крупными кусками розовой рыбы, золотистым картофелем и щедрой россыпью свежего укропа. От тарелки поднимался густой, душистый пар.

Рядом опустилась кружка с тёмно-рубиновым, почти черным брусничным морсом и глиняная розетка с горячими калитками — традиционными карельскими пирожками из ржаного теста с начинкой из картофельного пюре, щедро смазанными сверху растопленным сливочным маслом.

— Ешь, ешь, — приговаривала тётя Зина, упирая руки в бока и с удовольствием наблюдая, как Таня с осторожностью взяла ложку. — С пылу с жару. У нас на Чёрных камнях без горячего нельзя. Замерзнешь — и пропадёшь.

Таня зачерпнула ложку супа.

Горячий, сливочно-рыбный бульон моментально согрел пищевод, расходясь по телу волной невероятного блаженства. Таня закрыла глаза. Это было до того вкусно, что все мысли о трехстах тысячах, разбитом бампере и странном спасателе в тулупе на минуту просто испарились из ее головы.

Под столом кто-то мягко и ритмично замурчал.

Таня нагнулась. У её ног, прижавшись к теплему боку чугунной плиты, сидел оглушительно крупный, беспородный кот дымчато-серого окраса с ободранным левым ухом.

— Это Мурзик, — пояснила тётя Зина, проследив за её взглядом. — Третий уже. Первые два тоже Мурзиками были. Один у нас к егерю ушёл жить, второй до ста лет дожил и на печке преставился. А этот вот — рабочий кот. Мышей да крыс из ледника гоняет только так.

— Какой хороший, — пробормотала Таня, аккуратно опустив руку и почесав Мурзика за ухом. Кот зажмурился и замурчал ещё громче, с частотой хорошего дизельного генератора.

Отправляя в рот кусочек румяной калитки, Таня заодно принялась рассматривать через окно кухмейстерской саму базу. Отсюда, из тепла, она просматривалась как на ладони.

Профессиональная привычка бухгалтера к систематизации сработала безотказно: Таня мысленно чертила схему объекта.

Центром базы являлся этот самый главный корпус — двухэтажный, рубленый из массивного соснового бруса. На первом этаже — ресепшн, служебные помещения, кухня, столовая и каминный зал. На втором — кабинет Ковтуна и несколько административных комнат.

Вокруг корпуса веером располагались шесть гостевых домиков-коттеджей из темного бревна, пронумерованных от одного до шести. Чуть подальше, на самом берегу замерзшего озера, темнела рубленая баня с широкими мостками, уходящими прямо к проруби.

Рядом с баней прижались еще три постройки: заглубленный в землю ледник для хранения рыбы и мяса, дровяная котельная с высокой кирпичной трубой и небольшое техническое здание, откуда доносилось мерное гудение — там стоял дизель-генератор. А совсем в стороне, на отшибе, у границы соснового леса, стояла крошечная сторожка с единственным светящимся окошком. Там, очевидно, и жил её молчаливый спасатель Мартын со своей собакой.

А дальше за базой не было ничего. Только белая, бескрайняя гладь замерзшего озера Чёрная Ламба. Шесть километров льда до противоположного берега, за которым начиналась непроходимая приграничная полоса. Ни жилья, ни дорог — до самой Финляндии.

— Тётя Зина, — Таня вытерла губы салфеткой и отпила терпкого, кисленького брусничного морса. — А почему гостей так много? Мне Владимир Сергеевич писал, что базу закрыли на ремонт и никого не будет.

Тётя Зина мгновенно перестала улыбаться. Она взяла со стола полотенце, принялась тщательно протирать и без того чистый край столешницы и опустила глаза.

— Закрыли, верное дело, — тихо проворчала она. — С ноября не принимали никого. А тут три дня назад хозяин сам позвонил. Сказал: Зина, готовь домики. Натопи всё, заготовь продуктов на неделю. Гости, говорит, приедут. Старые знакомые.

— А что за знакомые? Вы их знаете?

— Да откуль мне знать? — тётя Зина неопределенно пожала плечами. — Я ж тут всего пять лет работаю. Приехали вот вчера да сегодня. Первые-то — врач из Питера, да журналистка с палочкой, да бывшая учительница... Странные все какие-то. Ходят, молчат. Друг на дружку смотрят, словно волки на опушке. Никто не улыбнется, не заговорит просто так. И Владимир Сергеевич сам не свой...

— А что с ним? — насторожилась Таня. — С Владимиром Сергеевичем?

Тётя Зина вздохнула, воровато оглянулась на дверь и нагнулась к Тане:

— Совсем плох хозяин, деточка. Похудел — одни кости остались, жёлтый весь, как восковая свечка. Почти не ест ничего, всё кашки да бульончики просит. Медикаментов у него в кабинете — целая аптека. Но держится строгачом. На всех кричит, распоряжает. Сказал, завтра в десять утра всё им объяснит.

— Завтра в десять... — повторила Таня.

Разговор прервал Даня, заглянувший в кухню:

— Крч, Татьяна Сергеевна, идите в столовую. Там ужин ща будет для всех. По факту — вас тоже зовут.

Таня поблагодарила тётю Зину за невероятную уху, погладила напоследок Мурзика Третьего и пошла за Даней по широкому коридору.

Столовая базы была оформлена со вкусом: длинный дубовый стол на десять персон в центре комнаты, камин из дикого камня, в котором потрескивали березовые дрова, и панорамные окна, за которыми бушевала нешуточная карельская метель.

Таня шагнула через порог столовой — и моментально замерла.

Разговор, который только что звучал в помещении, оборвался в ту же секунду. Словно кто-то нажал на паузу.

За длинным столом сидели шесть человек. Шесть незнакомых людей, разного возраста и вида. В комнате установилась густая, вязкая тишина, нарушаемая только треском дров в камине и порывами ветра за окном.

Все шесть пар глаз устремились на Таню.

В этих взглядах не было гостеприимства. В них читалось настороженное, колючее любопытство, сдобренное явной тревогой.

Сидевшая во главе стола пожилая женщина в суровом сером кардигане медленно опустила на скатерть длинные металлические спицы и серый шерстяной чулок. Ей было около шестидесяти пяти. У неё было сухое, подтянутое лицо с тонкими губами и въедливым, учительским взглядом из-под очков в роговой оправе. На шее у нее висел массивный деревянный крестик.

Она оглядела Таню с ног до головы — заиндедевевшие стёкла очков, два свитера, виноватую осанку — и произнесла через весь зал ровным, чеканным голосом:

— А вы тоже по приглашению, деточка? Ну вот. Значит, все в сборе.

Таня сжала в кармане свой крафтовый конверт с деньгами.

В воздухе столовой пахло не только жареным мясом и хвоей. В нём четко пахло чужими, давно похороненными тайнами.

Тишина, зависшая над столом после фразы пожилой женщины, была настолько плотной, что её, казалось, можно было резать кухонным ножом тётя Зины — прямо вместе с запечённой свининой, чей аппетитный аромат уже заполнял зал.

— Что ж вы в дверях застыли, милочка? — всё тем же ровным, лекторским тоном продолжила дама со спицами. — Проходите, садитесь. Мы тут как раз обсуждали прелести северного гостеприимства. Я Нелли Аркадьевна. Гущина.

Она не протянула руки, лишь коротко кивнула и снова взялась за вязание. Металлические спицы в её сухих, усыпанных пигментными пятнами пальцах возобновили свой сухой, ритмичный танец: *тик-так, цок-цок*. Серый шерстяной чулок, свисающий с ее колен, казался бесконечным — словно она намеревалась обвязать им всю базу «Чёрные камни» по периметру.

— Татьяна, — представилась Таня, неловко выдвигая массивный дубовый стул с краю стола. — Крапивина. Главный бухгалтер.

— О, коллега по цифрам! — тут же подхватил мужчина, сидевший напротив.

Ему было около сорока. Яркая красная куртка от премиального бренда Arc'teryx была небрежно накинута на спинку его стула, выставляя напоказ идеальный тёмно-синий кашемировый джемпер. Лицо — из тех, что обычно печатают на рекламных билбордах частных медицинских центров: идеальный загар, белоснежная улыбка, аккуратная ухоженная щетина.

Он мгновенно подмигнул Тане, ловко откупорил бутылку тёмно-рубинового бордо и щедро плеснул в её бокал:

— Артём Валерьевич Гнездилов. Клиника травматологии и ортопедии «Сфера Здоровья», Петербург. Если вдруг на карельских льдах вывихнете лодыжку или сломаете шейку бедра — милости прошу, сделаем в лучшем виде, с дисконтом.

Он вытащил из кармана брюк гляцевую визитку с золотым тиснением и ловким щелчком пальца отправил её по полированной поверхности стола прямо к Таниной руке. Обаяния в нем было столько, что оно казалось почти осязаемым — липким, парфюмерным, слегка до неловкости чрезмерным.

— Артём, угомонитесь, — сухо бросила женщина, сидевшая боком к столу.

Ей было под сорок. Строгое тёмное каре, острый подбородок, цепкий, абсолютно недружелюбный взгляд серых глаз. К спинке её стула была прислонена тяжелая тёмная трость с литым металлическим набалдашником в виде головы ворона. Она не пила вино — перед ней стояла лишь кружка с черным кофе, к которому она время от времени прикасалась сухими губами. И курить ей явно хотелось гораздо сильнее, чем находиться в этом обществе: пальцы правой руки ритмично барабанили по скатерти.

— Елизавета Мороз, — коротко представилась она, даже не глянув на Таню. Глаза Лизы непрерывно сканировали присутствующих, фиксируя каждую мелочь — от Таниных промокших сапог до того, как Артём держит бокал.

Таня, привыкшая по роду службы мгновенно оценивать людей на предмет надежности, быстро перевела взгляд на остальных участников этого странного ужина.

Справа от Артёма сидел мужчина лет пятидесяти пяти. Невзрачный, в выцветшем, но отутюженном до хруста фланелевом пиджаке. Павел Ильич Сташевский — так он тихо представился, едва кивнув Тане. У него были маленькие, цепкие руки мастера-микромеханика. Ел он молча, фантастически аккуратно: резал мясо на одинаковые кубики по полтора сантиметра, а тканевую салфетку после каждого вытирания губ складывал строго вчетверо, ровняя уголок к уголку.

Чуть дальше расположился Ринат Хабибуллин — крепыш сорока пяти лет с лицом человека, привыкшего много работать на свежем воздухе. На его левой руке не хватало трех пальцев — остались только большой и указательный. Когда Артём попытался налить ему вина, Ринат резко закрыл бокал ладонью:

— Не пью.

Отказ прозвучал с такой агрессивной быстротой, что Артём лишь понимающе ухмыльнулся и налил себе ещё. Таня заметила, как Ринат непроизвольно опустил правую руку в кар-

ман куртки и принялся перебирать там что-то круглое и гладкое — позже она разглядит тёмную деревянную фишку, какую выдают в клубах Анонимных Алкоголиков за годы трезвости.

Шестой за столом была молодая женщина из Финляндии — Марина Ковтун, дочь хозяйина. Ей было около тридцати, изящная, в дорогом свитере крупной вязки цвета топленого молока. Она не прикасалась к еде и за весь вечер не произнесла ни слова, непрерывно листая ленту в смартфоне. Экран выдавал одну и ту же надпись: «Нет сети», но Марина упорно проводила пальцем по стеклу снова и снова, точно пытаясь пробить виртуальную стену.

Седьмой участницей трапезы оказалась Инга — вторая жена Ковтуна. Женщина лет сорока двух, с безупречным фитнес-загаром, в невероятно ярком свитере с леопардовым принтом и массивных золотых украшениях. Она смотрела на всех присутствующих как на досадную помеху своей красивой жизни.

— Нет, ну это просто дикость какая-то! — громко возмутилась Инга, манерно откидываясь на спинку стула и рассматривая свой маникюр. — Восемнадцать километров от трассы! Связи нет, вип-обслуживания нет! Я Вове говорила: давай полетим в Дубай! В Дубае сейчас плюс двадцать восемь, в Бурдж-Аль-Араб отличный сервис! Зачем надо было тащить меня в эту глушь, к этим соснам?!

Никто за столом ей не ответил. Похоже, эту тираду про Дубай Инга произносила уже раз пятый за вечер.

— Деточка, — Нелли Аркадьевна на секунду остановила спицы и посмотрела на Таню через верхи очков. — Вы-то как здесь оказались? В такую погоду нормальные люди дома сидят, чай с малиной пьют. А вы по какому поводу пожаловали к Владимиру Сергеевичу?

Таня пригубила налитое Артёмом вино. Кисленькое, хорошее.

— Я приехала вернуть долг, — честно ответила она. — Профессиональный и финансовый. А вы?

— Долг? — Нелли Аркадьевна издала короткий, сухой смешок. — Какая прелестная формулировка. А я вот приехала помолиться в тишине. Карелия — места святы, древние. Молитва здесь хорошо идет.

Таня слегка прищурилась. Взаиморасчеты не сходились.

— А вы, Артём Валерьевич? — повернулась она к врачу. — Тоже помолиться?

— Я? — Артём белозубо расхохотался. — Боже упаси! Я человек сугубо материалистичный. Владимир Сергеевич пригласил меня на медицинскую консультацию. У него, знаете ли, возраст, здоровье... Попросил посмотреть пару снимков, составить протокол лечения.

— На консультацию? — подала голос Лиза Мороз, звякнув кружкой о блюде. Скепсиса в её голосе хватило бы на целый ученый совет. — В закрытую на зиму базу? Без оборудования? Как интересно. А я вот приехала писать материал. Очерк о деревянном зодчестве Русского Севера.

— А вы, Павел Ильич? — Таня посмотрела на аккуратного мастера.

— Отдохнуть, — тихо, не поднимая глаз от своей салфетки, пробормотал Сташевский. — Хозяин позвал. Старые связи по ПАТП. Подышать воздухом.

— По работе, — хрипло отрезал Ринат, опережая вопрос.

Таня, привыкшая сверять акты взаиморасчетов до копейки, мысленно подбила промежуточный баланс: **Семь человек. Ноль совпадений в показаниях.**

Каждый из присутствующих лгал. Лгал легко, буднично, натренированно. Кто-то — с вальяжной улыбкой, как Артём, кто-то — с ядовитой иронией, как Лиза, а кто-то — с глухим раздражением, как Ринат. Единственной, кто ответил правду, была сама Таня — но её правде про «вернуть долг», похоже, никто за этим столом не поверил.

В этот момент дверь кухни отворилась, и в столовую с подносом в руках вошла тётя Зина.

Инга немедленно оживилась: — Женщина! Вы мне смузи принесли? Я же просила: сельдерей, яблоко, немного имбиря и без сахара! У меня детокс!

Тётя Зина остановилась, с удивлением посмотрела на Ингу, затем поставила перед ней пузатую граненую кружку, наполненную густой, тёмно-рубиновой жидкостью.

— Вот твой смузи, милая, — совершенно спокойно огласила тётя Зина. — Брусничный морс. Сама ягоду давила, сахару ни грамма не клала, одни витамины. Пей, печень спасибо скажет.

Артём хрюкнул в бокал, Лиза впервые за вечер едва заметно улыбнулась уголками губ, а Инга, вспыхнув пятнами под загаром, брезгливо отодвинула кружку ногтем.

— Дикари, — процедила Инга. — Абсолютные дикари.

И в этот момент в столовой стало тихо по-настоящему.

Не так, как при входе Тани — теперь тишина упала внезапно, тяжелым, свинцовым пластом. Даже Нелли Аркадьевна замерла, не закончив очередную петлю.

В двустворчатых дверях столовой стоял хозяин базы — Владимир Сергеевич Ковтун.

Таня видела его год назад в коридоре «Аква-Сферы». Тогда перед ней стоял крупный, уверенный в себе хозяин жизни — с расправленными плечами, громким голосом и румянцем успешного дельца.

Человек, который стоял в дверях сейчас, казался его собственной тенью.

Он страшно похудел. Дорогой темно-зелёный свитер висел на нем, как на огородном пугале, открывая иссохшую, дряблую шею. Кожа приобрела тяжелый, землянисто-жёлтый оттенок, а глубоко запавшие глаза горели лихорадочным, нездоровым блеском. Он держался за дверной косяк правой рукой, и Таня увидела, как синеют его ногти от напряжения.

Он был тяжело, смертельно болен — это читалось в каждом его движении, в каждом тяжелом вздохе.

Ковтун обвёл присутствующих за столом медленным, долгим взглядом.

Он прошёлся взглядом по Инге, которая непроизвольно выпрямилась; по Марине, наконец оторвавшейся от телефона; по Ринату, сжавшему в кармане свою фишку; по Артёму, чья улыбка на секунду сделалась натянутой и фальшивой; по Сташевскому, застывшему с салфеткой в руках.

На Тане его взгляд задержался на секунду дольше, чем на остальных.

В его тёмных глаза вспыхнуло что-то странное — не то узнать, не то горькое удовлетворение человека, чьи цифры наконец-то сошлись в итоговой ведомости.

Ковтун тяжело откашлялся, заставив тётю Зину замереть у плиты с полотенцем, и произнёс:

— Завтра. Десять утра. Каминный зал.

Голос его звучал хрипло, но в нём по-прежнему слышалась привычка повелевать.

— Всем быть. Я расскажу, зачем вы здесь собрались. А сейчас... спокойной ночи.

Он развернулся и медленно, шаркающей походкой тяжело больного человека, пошёл прочь по коридору в сторону лестницы на второй этаж.

В столовой снова установилась тишина. Лишь за окном выл карельский ветер, швыряя в панорамные стёкла пригоршни сухого, мёрзлого снега.

Пластиковый органайзер для лекарств был синим, с полупрозрачными крышечками, на которых белой краской вывели дни недели: *ПН, ВТ, СР, ЧТ, ПТ, СБ, ВС*.

Владимир Сергеевич Ковтун брал сухими, подрагивающими пальцами капсулы — зелёные, жёлтые, круглые белые таблетки с рисками посередине — и с тихим звяканьем раскладывал их по ячейкам.

Пятница. Суббота. Воскресенье.

Он замер, держа над ячейкой «Понедельник» тяжелую оранжевую капсулу со снотворным. Посмотрел на неё, потом на свои пальцы — худые, с пергаментной кожей и посиневшими ногтевыми лунками. Посчитал в уме.

Выходило немного. Органайзеров таких в его жизни оставалось штуки три, максимум четыре. Четвёртая стадия поджелудочной — штука честная, без бухгалтерских приписок и увиливаний. Она не даёт отсрочек, не принимает взятки и не соглашается на реструктуризацию долга.

Ковтун уронил капсулу в ячейку и со щелчком закрыл крышку.

На массивном столе из карельской сосны стояла единственная лампа под зелёным тканевым абажуром. В её тусклом, камерном свете лежала плотная картонная папка-скоросшиватель. На завязанном корешке рукой покойной жены Ларисы когда-то было выведено: «ПАТП №3. Архив. 2003 год».

Ковтун медленно развязал тесёмки и откинул крышку.

Сверху лежал пожелтевший лист плотной бумаги — копия протокола допроса несовершеннолетней Крапивиной Т.С., 11 лет, сделанная в детском отделении областной больницы 4 марта 2003 года. Чернила выцвели, местами расплылись, но текст читался отчётливо.

«...Вопрос следователя: Танечка, ты помнишь, как автобус начал падать?»

Ответ: Помню. Сначала светло было, потом темно. Бабушка меня прижала. А потом дядя в красной куртке стал дёргать дяденьку-водителя за руку. Он кричал, что вылезет. Дяденька-водитель его отпихивал, а он всё равно дёргал за руль...»

Тогда, двадцать два года назад, молодой следователь районной прокуратуры написал снизу синим карандашом: «Ребёнок в состоянии тяжёлого шока. Галлюцинаторный синдром после черепно-мозговой травмы. В расчёт не брать».

Ковтун опустил ладонь на пожелтевший лист.

Двадцать два года. Двадцать два чёртовых года он жил с убеждением, что он — убийца.

В том марте 2003-го он был директором ПАТП №3. Агрессивным, жадным, молодым дельцом, который резал ремонтные сметы, чтобы выплатить себе премию и купить первый «Мерседес». Он знал, что у «сорок седьмого» Икаруса колодки были стёрты до предела. Знал, что тормозные шланги дышали на ладан. Он лично подписал распоряжение выпустить машину на дальний рейс, когда завгаром был поставлен выбор: или этот автобус едет за туристами, или предприятие теряет контракт.

И когда автобус ушёл со спуска в реку Хийтолу и пробил лёд, погибнув вместе с одиннадцатью пассажирами, Ковтун не сомневался: это его рук дело.

Он испугался. Восемь лет колонии строгого режима — вот что маячило перед ним. И он включил все свои связи, задействовал все деньги. Купил транспортную экспертизу, дал «на лапу» кому надо в области, списал всё на человеческий фактор. А своего водителя — Егора Мартынова, молчаливого мужика, который на суде только твердил: «Мне помешали» — отправил за решётку.

Четыре года Мартын отмотал в поселении. Жена от него ушла, дочь отреклась.

А Ковтун все двадцать два года платил.

Он перевернул лист. Под протоколом лежала длинная ручная ведомость. Его собственная ведомость, которую он вёл в тайном экселевском файле и дублировал на бумаге.

Гуцина Н.А. — 15 лет ежеквартально.

Хабибуллин Р.Ф. — доплата, лечение.

Мороз Е. — стипендия, грант на книгу.

Сташевский П.И. — выплата за молчание / "помощь".

Ковтун М.В. — содержание, Финляндия.

Крапивина Т.С. — стипендия, медицинские расходы, операция тёти.

Миллионы рублей. Десятки миллионов. Он думал, что покупает себе индульгенцию. Думал, что если вытащит выживших девочек, если оплатит им учёбу, если даст денег матери погибшего мальчика, то там, наверх, ему спишется хотя бы половина грехов.

Он не боялся смерти. Месяц назад, когда врач в Питере показал ему чёрно-белые снимки КТ и с сочувствием опустил глаза, Ковтун даже почувствовал облегчение. Всё. Финал. Конеч выплат.

Но год назад, разбирая старые архивы ПАТП перед продажей территории под застройку, он случайно вытащил из разошедшегося фанерного ящика ту самую папку с допросом одиннадцатилетней Танечки Крапивиной.

А потом поехал к Сташевскому. К тихому, аккуратному Паше Сташевскому, который в 2003-м работал контролёром техсостояния и подписал путевой лист.

И Сташевский, глядя на него своими маленькими глазенками мастера-часовщика, за пятьсот тысяч рублей наличными рассказал то, о чём молчал двадцать два года.

Тормоза у автобуса действительно были изношены. Но на спуске к мосту они бы выдержали. Автобус ушёл с дороги не из-за колодок. Автобус ушёл в прорубь потому, что пьяный парень в красной куртке вцепился в руль и рванул его на себя.

Правда оказалась страшнее лжи.

Ковтун закрыл глаза и откинулся на высокую спинку кресла. Из груди вырвался тяжелый, свистящий хрип.

Он двадцать два года считал себя виновником гибели одиннадцати человек. А оказался просто трусом, который посадил невиновного. Он не тормоза пожалел — он сломал жизнь человеку, который вытаскивал детей из тонущего «Икаруса». Он сделал из спасателя зэка.

И с этим знанием умереть он не мог. Он не боялся умереть грешником. Он боялся умереть вором — человеком, который украл у Мартына двадцать два года честной жизни и не расплатился по настоящему счёту.

Ковтун потянулся к краю стола и взял плоский цифровой диктофон.

Включил запись. Маленький красный светодиод вспыхнул в полумраке кабинета, точно капля свежей крови.

Ковтун поднёс микрофон к губам.

— Если вы слушаете это... — он запнулся, кашлянул. Поморщился от резкой боли в подребье. — Нет, не так.

Нажал «стоп», потом «стереть». Включил снова.

— Я собрал вас всех на Чёрных камнях, потому что двадцать два года назад...

Он опять остановился. Текст не складывался. Слова казались фальшивыми, дряблыми, как некротная ткань. Он стирал запись четыре раза. На пятый раз глубоко вдохнул, выпрямил иссохшую спину и заговорил тихо, но твёрдо:

— Я собрал вас, потому что двадцать два года назад я думал, что знаю, что случилось на мосту через Хийтолу. Я платил вам всем. Некоторым — деньгами, некоторым — иначе. Я считал, что это мой долг. А оказалось, что я платил не по своему счёту. Настоящий должник сидит прямо за этим столом. И этот человек...

За окном с диким гулом пронёсся порыв ветра. Где-то в глубине дома заскрипели стропила.

В дверь кабинета коротко и тихо постучали.

Стук был нетребовательным, но абсолютно уверенным. Так стучит человек, который точно знает, что дверная защелка не спасает от разговора.

Ковтун не дернулся. Не вздрогнул.

Он медленно опустил диктофон на открытую папку, прямо на лист с показаниями маленькой Тани. Взглянул на тяжелые настенные часы в деревянном корпусе. Стрелки показывали 22:30.

Затем он перевел взгляд на дубовую дверь.

В его гудящей от боли голове всё встало на свои места. Пазл сложился. Ковтун оперся руками о край стола, тяжело поднял своё истощенное тело и произнес в тишину кабинета без малейшего удивления:

— А. Это ты. Я так и думал, что ты придёшь раньше всех.

Чужие подушки всегда пахнут чужими снами.

Таня лежала на широкой, добротной кровати из массива сосны — из тех, что ставят на хороших загородных базах, где не экономят на комфорте гостей. Одеяло было пышным, теплым, легким как пух, но уснуть всё равно не получалось.

За окном творилось что-то несусветное. Карельский ветровой циклон к полуночи набрал полную силу. Деревянные стены коттеджа поскрипывали, а ветви прибрежных сосен соскребаали со стёкол наледь с противным, металлическим скрежетом: *скр-р-р, скр-р-р*.

Но дело было не в ветре.

Внутри у Тани сидело липкое, въедливое беспокойство. Какая-то неправильность во всём происходящем колола в затылок и не давала расслабиться.

Она приехала сюда с одной понятной задачей: отдать триста тысяч рублей. Простая человеческая история: встретиться, отдать конверт, сказать «спасибо, Владимир Сергеевич, вы меня очень выручили год назад», получить расписку и уехать домой на Гражданку.

Вместо этого она оказалась в занесённом снегом карельском лесу среди людей, которые при взгляде друг на друга сжимали зубы и натянуто улыбались. И сам Ковтун... Ей не давал покоя его взгляд в столовой. Так не смотрят на должника, привезшего очередной платёж. Так смотрят на человека, которому собираются предъявить главный, итоговый счёт за всю его жизнь.

Таня вздохнула, скинула пуховое одеяло и села.

— Всё, — сказала она темноте. — Зуб ноет, спать не могу, чайник остыл. Надо делать чай.

Она натянула поверх пижамных штанов шерстяные носки, надела поверх домашнего джемпера свитер крупной вязки и взяла со столика свою фаянсовую кружку. В главном корпусе, в кухонке тёти Зины, на чугунной плите точно стоял пузатый эмалированный чайник.

Путь от домика №4 до главного корпуса занимал метров тридцать по расчищенной дорожке. Набросив куртку прямо на плечи, Таня выскользнула во двор.

Метель не утихла, но снег стал мелким, как соль. Белая муть кружилась в свете редких фонарей, закрепленных на сосновых столбах.

Таня поднялась по деревянным ступеням веранды главного корпуса и осторожно толкнула тяжелую дверь. В холле-ресепшене горел единственный ночник над пустой стойкой Дани. Сам Даня, судя по всему, ушёл спать или дозорить у дизель-генератора.

Таня прошла по мягкой ковровой дорожке вглубь коридора первого этажа, направляясь к кухне.

Вдруг она остановилась.

Из-за закрытой двери одной из гостевых комнат — той самой, где поселили журналистку Лизу Мороз, — доносились голоса. Они говорили не громко, но на повышенных тонах, с той звенящей отсыпкой яда, которая бывает только при долгих, застарелых конфликтах.

Таня не собиралась подслушивать. Она честно сделала шаг вперед, но приглушённые женские реплики заставили её прирасти к месту.

— ...ты понятия не имеешь, во что лезешь! — донёсся резкий, шипящий женский голос. Суховатый, властный — Таня мгновенно узнала тон Инги, второй жены Ковтуна. — Ты дума-

ешь, ты самая умная со своей тростью и книжками?! Убирайся отсюда утром! Напиши, что хочешь, но не трогай его!

Второй голос ответил немедленно. Это была Елизавета. В её тоне не было испуга — только сухая, злая насмешка:

— Не трогать? Милая моя, я двадцать лет живу с этим, а ты приехала сюда на всё готовое всего пять лет назад! Ты леопардовый шёлк свой на его деньги покупаешь, а я каждый шаг через боль делаю! Так что закрыла рот и вышла отсюда. Разговор окончен.

Раздался звук резкого движения, звяканье металлического набалдашника трости о паркет, и Таня, испугавшись, что дверь сейчас распахнется, юркнула за массивный деревянный шкаф-буфет в конце коридора.

Дверь действительно шарахнулась. Из комнаты Лизы выскочила Инга. Она была не в своем роскошном свитере, а в тёмном шелковом халате, лицо искажено гневом, а глаза блестя от злости. Она даже не оглянулась, быстро пройдя мимо шкафа по направлению к лестнице на второй этаж, где находился кабинет её мужа.

«Двадцать лет живу с этим... А ты приехала на неделю...»

Что между ними общего? Лиза — журналистка из Петербурга, Инга — бывший фитнес-тренер, жена бизнесмена. О чём они спорят в полпервого ночи на глухой карельской базе?

Таня качнула головой, вылезла из своего укрытия и прошла на кухню.

Кухня тёти Зины встретила её тихим, домашним уютом. На плиточном настиле чугунной печи вспыхивали сквозь поддувало оранжевые отсветы углей. Чайник на краю плиты действительно был горячим. На столе в плетёной вазочке лежали маковые сушки — простые, твердые питерские сушки «Малышка».

Таня налила себе полную кружку заварки, бросила туда две сушки, чтобы слегка размякли, и, сжимая теплыми ладонями фаянс, пошла обратно во двор.

Выйдя на веранду, она на секунду замерла, подставляя лицо морозному воздуху. Метель на мгновение рассеялась, открывая широкий вид на низ базы.

И тут Таня увидела её.

В снежной мути, прямо по центру расчищенной дорожки, ведущей от главного корпуса вниз, к бане и замерзшему озеру, двигалась фигура.

Это был человек в длинном темном халате или куртке. Он шел не торопясь, слегка шаркающими шагами, слегка нагнув голову перед ветром. На голове белело что-то вроде намотанного полотенца.

Таня прищурилась через запотевшие на морозе стёкла очков.

Кто пойдёт к бане в двенадцать ночи в одном халате при минус пятнадцати? Ковтун? Мартын? Артём?

Таня открыла было рот, чтобы окликнуть фигуру — просто из человеческой осторожности, спросить, не нужна ли помощь, — но порыв ветра швырнул ей в лицо охапку колючего снега. Ей пришлось зажмуриться, затаить дыхание и вжать голову в плечи.

Когда она снова открыла глаза через пару секунд, фигура уже растворилась в белом месиве у самого спуска к бане.

— Нормальные люди в такое время спиртное пьют или спят, — пробормотала Таня, поевшись. — А тут одни ночные ходоки.

Она побежала к своему домику №4, стараясь не выплеснуть горячий чай на руки.

В домике было тепло и тихо. Таня решила не включать верхний свет, пододвинула глубокое мягкое кресло вплотную к широкому окну, выходившему во двор, и укрылась пледом.

Это был единственный по-настоящему спокойный момент за все эти безумные сутки.

Таня сидела в кресле, поджав под себя ноги, пила сладкий, крепкий чай, окуная в него размокшую маковую сушку, и смотрела за окно.

Там, снаружи, бесчинствовала карельская метель. Ветер швырял снег в стекло, сосны гнулись и шумели, глухой гул озера долетал даже сквозь двойные рамы. А здесь, внутри, пахло горячим чаем и сухой сосной. Этот контраст между бурей за стеклом и тишиной комнаты давал редкое чувство защищенности. Ей казалось, что пока она пьет этот чай и держит кружку двумя руками, ничего плохого произойти не может.

Она сделала еще один глоток, откинула голову на мягкую спинку кресла и прикрыла глаза.

И в этот момент свет погас.

Свет погас не просто в её домике. В окошке исчез оранжевый огонек фонаря на сосновом столбе напротив. Исчез тусклый свет на ресепшене. Исчезла подсветка над дорожкой.

База «Чёрные камни» в одну секунду погрузилась в абсолютную, непроглядную тьму.

Вместе со светом выключился и мерный, привычный гул: где-то в техническом здании заглох дизель-генератор. Наступила такая тишина, что было слышно, как шуршит снег, ударяясь о деревянную обшивку домика.

— Прекрасно, — тихо шепнула Таня в темноту. — Только аварии на подстанции мне не хватало.

Она замерла в кресле, не шевелясь, пытаясь разглядеть хоть что-то за окном. В абсолютной тьме стекло превратилось в черное зеркало, в котором отражался только слабый отсвет её собственного свитера.

Через 40 секунд где-то в глубине двора сухо чихнул мотор, взвыл сопрано стартер, и дизель-генератор снова заработал.

Свет вернулся. Напряжение было тусклым, желтоватым — явно включилась аварийная линия от аккумуляторов или резервного контура. Фонарь напротив домика №4 затеплился слабым, янтарным светом, выхватив из темноты кусочек заснеженного двора прямо перед Таниным окном.

Таня уже собиралась отпить еще чая, как вдруг её взгляд зацепился за сугроб под самым подоконником.

Она замерла с кружкой у самых губ.

Две минуты назад — когда она усаживалась в кресло с чаем — снег под её окном был абсолютно ровным. Идеальная, нетронутая белая подушка, надутая ветром за вечер.

Сейчас прямо под стеклом, в метре от её кресла, отпечатались следы.

Это были глубокие, свежие вмятины от тяжелых мужских сапог. Человек шел от главного корпуса в сторону бани и на пару секунд остановился прямо у её окна — того, где настежь были закрыты шторы, — а затем шагнул дальше, в темноту.

Вмятины заносило снегом прямо у неё на глазах, но они были слишком четкими, чтобы ошибиться.

Свет гас на сорок секунд. За эти сорок секунд кто-то прошёл в полной темноте мимо её домика. Прошёл бесшумно, точно зная дорогу каждый сантиметр, и спустился вниз, к замерзшему озеру.

Таня опустила кружку на подоконник. Сладкий чай с сушкой мгновенно потерял всякий вкус, став холодным и терпким.

Она сжала в кармане куртки свой крафтовый конверт с деньгами и поплотнее запахнула шерстяной плед. Сон ушёл окончательно.

1 марта 2003 года.

Темнота была густой, пахла соляжкой, горячим горелым маслом и намокшей суконной шерстью. Автобус лежал на боку под углом, и в этой непроглядной тьме всё перевернулось: пол стал стеной, а разбитые окна — потолком. Где-то совсем близко, над самым ухом, мужчина отчаянно и осипше кричал, перекрывая гул засыпающегося в салон снега: «Стёкла бейте! Задние стёкла бейте, чё встали?!» Во тьме тонко, на одной непрерывной высокой ноте ревел

ребёнок — надрывно, задыхаясь от водяной пыли. А потом снизу хлынула вода. Она не ощущалась как вода. Она ворвалась в разбитый салон раскалённым железом, обжигаящим кожу сквозь плотные штаны и свитер, перехватывая дыхание так, будто в грудь вогнали стальной костыль. И в этом обжигающем ледяном аду чужие пальцы — маленькие, цепкие, в вязаной шерстяной рукавичке — смертельной хваткой впились в его рукав...

Мартын не спал.

Спать в такие ночи было неразумно: карельский циклон крутил так, что ветви старых сосен над крышей сторожки захлестывали железо с сухим металлическим треском. К тому же, когда в голове поднималась вся эта старая муть, сон всё равно не приходил.

На кухонном столе, покрытом пожелтевшей от времени клеёнкой, при свете одинокой старой лампы без абажура лежал разобранный карбюратор от старого «Бурана». Детали — жиклёры, поплавковая камера, пружинки — разложены аккуратными рядами на куске чистой ветоши. В воздухе сторожки пахло керосином, березовым дымом от печи и высохшей сосновой хвоей.

Мартын работал медленно, без суеты. Изношенный бронзовый жиклёр не поддавался. Он осторожно поддел его кончиком плоской отвертки, соображая по ходу: руками думать всегда легче, чем головой. Когда руки заняты делом, мысль не петляет, а идет по прямой, как ходовая нить.

У чугунной печки, положив тяжелую морду на скрещенные лапы, лежала Пуля. Карельская лайка — рыже-подпалая, с острой мордой и чуткими ушами-треугольниками — время от времени вздрагивала во сне, тихо попискивая, словно гнала по глубокому снегу невидимого зайца. Затем открывала один желтый глаз, фиксировала хозяина за столом и снова засыпала.

Мартын опустил отвертку.

Он узнал её сразу.

Не по лицу. Лица той одиннадцатилетней девчонки из 2003 года он не помнил — да и как вспомнишь, когда вокруг мешанина из снега, льда, разбитого стекла и крови, а скорая увозила её уже без сознания, закутанную в чужое пальто.

Он узнал её сегодня вечером на трассе А-121, когда её старенький «Поло» ушёл боком в кювет.

Узнал по тому, как она вылезала из машины. Сначала в щель приоткрывшейся двери высунулась одна нога — в странном ботинке, залитом по подошве прозрачным сапожным силиконом. Потом показалась голова в вязаной шапке с запотевшими очками на съехавшем носу. А потом, вывалившись в сугроб и упустив термос, она выдохнула тихое, виноватое: «Ой...»

Именно это «ой». Не крик, не брань, не истерика. Спокойное, слегка растерянное, детское «ой» человека, который винит себя во всем, что происходит вокруг, даже если в кювет её выбросила чужая безалаберность и ледяная колея.

Мартын не знал, откуда в нем отозвалось это узнавание. Внутри просто что-то звякнуло — жестко, наотмашь, как ударяет оборвавшийся стальной трос.

Он повернул голову и посмотрел на стену у входа.

Там на вбитом в бревно гвозде висел плоский лист бумаги, оторванный от настенного календаря. На нём ровным, мелким почерком Даньки — ресепшюниста и по совместительству айтишника-недоучки — были выведены фамилии прибывших гостей. Данька вывесил список в холле, а Мартын срисовал его себе перед тем, как уйти в сторожку.

Гуцина Н.А.

Гнездилов А.В.

Мороз Е.С.

Сташевский П.И.

Хабибуллин Р.Ф.

Ковтун В.С.

Крапивина Т.С.

Семь фамилий. Семь пассажиров того самого «сорок седьмого» Икаруса.

Мартын вытер испачканные маслом пальцы о ветошь.

Двадцать два года. Двадцать два года он прожил с этим списком в голове. Он выучил эти фамилии лучше, чем статьи Уголовного кодекса, по которым его судили. Он отсидел свои четыре года в поселении — без жалоб, без апелляций, молча глотая ядовитую пыль на лесоповале. Жена ушла на второй год, не выдержав клейма «жены шофёра-убийцы». Дочь Ксюша, которой сейчас было уже двадцать три, росла без него, зная отца только по редким снимкам и не отвечая на его сухие, короткие поздравления в мессенджерах.

Он уехал сюда, в Северное Приладожье, на Чёрные камни, семь лет назад. Спрятался от людей за брусом, за лопатой для расчистки снега, за ремонтом снегоходов и молчанием. Ковтун взял его на работу без лишних расспросов — только посмотрел в глаза длинным, тяжелым взглядом и отдал ключи от сторожки. И все эти семь лет Мартын ждал.

Он ждал этого дня. Знал, что Ковтун рано или поздно созреет. Знал, что долги такого рода не сгорают за давностью лет.

Но он всё равно оказался не готов.

Когда она стояла перед ним на трассе — маленькая, замерзшая, в двух свитерах, с термосом в дрожащих руках, — Мартыну впервые за двадцать два года захотелось не молчать. Захотелось сделать шаг вперед и сказать ей то единственное, о чём он думал каждую ночь перед сном.

Но он не сказал. Промолчал свои привычные четыре слова: *Ключи. Нейтраль. Сидите. Не мешайте.*

Мартын тяжело поднялся со стула. Суставы в коленях отозвались сухим, привычным хрустом — следствие тех сорока минут в ледяной воде реки Хийтолы в марте 2003-го.

Пуля подняла голову, провожая хозяина умными глазами.

Мартын подошёл к добротному деревянному шкафу в углу сторожки, где висела его рабочая одежда и хранился инструмент. Открыл дверцу, протянул руку на самую дальнюю, верхнюю полку — за стопку старых инструкций к дизель-генератору и коробки со свечами зажигания.

Там лежала небольшая жестяная коробка из-под чая.

Мартын снял крышку и бережно, словно она была сделана из тончайшего стекла, достал её наружу.

Это была детская шерстяная варежка. Красная, вязаная домашней пряжей, с вывязанным на тыльной стороне белым оленем с ветвистыми рогами. Правая варежка. Второй — левой — на ней не было: та, левая, осталась на ручке у девочки, когда её выносили на носилки к врачам скорой и засняли для областной газеты.

А эта — правая — зацепилась за жесткое сукно его рукава, когда он вытаскивал девочку сквозь рваные края пробитого окна. Девочка выпростала из неё отчаянную, холодную ладошку, судорожно хватаясь за него, а варежка так и осталась в кулаке Мартына. Он сжал её тогда насмерть и даже на скорой, передавая ребёнка врачам, так и не выронил.

Варежка была жесткой от давней грязи, но белая шерсть оленя всё ещё угадывалась.

Мартын опустил крупную, покрытую шрамами и мазутом ладонь на детскую варежку.

Он вытащил эту девочку из пробитого заднего окна тонущего «Икаруса». Вытащил в тот самый момент, когда вода уже накрывала сиденья. Её пальцы судорожно вцепились в его рукав. Он тащил её к берегу по трещащему льду, накрыв своим тулупом, а эта красная рукавичка осталась у него как единственное свидетельство той ночи.

Двадцать два года он не знал, выжила ли она.

Сегодня вечером он увидел, как она вылезает из кювета.

Мартын сжал варежку в кулаке, опустил голову и закрыл глаза. За окном сторожки с диким, голодным воем заходила на новый круг карельская метель.

Утро пятницы началось с того, что Карелию окончательно стерли с карты.

Таня подошла к окну домика №4, подняла тяжелую штору и уткнулась носом в прохладное стекло. За окном не было ни сосен, ни озера, ни соседних коттеджей. Была только плотная, воющая, молочно-белая мгла. Снег не падал сверху — он летел параллельно земле, плотной стеной, завиваясь в бешеные воронки. Баня, стоявшая в пятидесяти метрах от корпуса, исчезла полностью, словно её никогда и не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.